

Е. Поселянин

НА МОЛИТВЕ

В тишине и в буре

Из области жизни и веры

Евгений Поселянин

На молитве. В тишине и в буре

Православное издательство "Сатись"

1916

Поселянин Е. Н.

На молитве. В тишине и в буре / Е. Н. Поселянин —
Православное издательство "Сатись", 1916

ISBN 5-7373-0098-6

Е. Поселянин (псевдоним Е.А. Погожева), замечательный духовный писатель рубежа XIX–XX веков, оставивший богатое наследие. Это несколько десятков книг и статей по истории Церкви, жизнеописания святых и подвижников, книги о религиозной жизни души. Трудно определить жанр литературных произведений Поселянина это и не собственно художественная литература, но и не публицистика, и не проповеднический жанр как таковой... Пафос его творчества обращение в веру своих соотечественников, которые, называясь православными христианами, в большинстве своем таковыми не являлись. Он хотел показать красоту и глубину христианского подвига в повседневной, «обычной» жизни. Не было у него ни обличительного тона, ни апокалиптического накала столь свойственных эпохе. Его идеал преобразование внутренней жизни, и молитва для этого необходима.

ISBN 5-7373-0098-6

© Поселянин Е. Н., 1916
© Православное издательство
"Сатись", 1916

Содержание

Благовещение	6
Священная тишина	7
Все для Бога!	10
Нет, мы не одни	13
Под благодатью	16
Святочные дни	19
Заветные места	22
Послушание Богу	27
Не отягощайте души вашей!	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Поселянин

На молитве. В тишине и в буре

(Из области жизни и веры)

*По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского
ВЛАДИМИРА*

Благовещение

Радостное солнце ныряет в синеющем безоблачном небе. Весело трещат льды. Тают снега. Хлопотливо бегут мутной водой ручьи. И во всем – пробуждение, вера, предчувствие идущей бодрой и светлой жизни.

Святыня убогой комнатки тихого Назарета, неслышный трепет сердца Пречистой Девы. И глава склонилась пред вестником неба, а лилии белеют в руках архангела.

«Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою!»

После веков проклятия – впервые это слово благословения...

И человечество запомнило эти слова и – скоро уже два тысячелетия – посылает их обратно в то небо, из которого они ниспали на несчастную землю, как весть свободы и счастья.

Свобода, свобода!

Вместо прежней земной неволи без надежды и просвета, мы стоим теперь пред распахнувшимися для нас дверями рая. И что нам годы, жизнь лишений, слез, недочетов пред громадой того счастья?

Свобода!

Везде по России выпускают птиц из клеток. И, следя за их отлетом из плена в бесконечность ясного прогретого воздуха, мы предчувствуем и наш неизбежный отлет туда, в блаженную даль.

Белеют лилии архангела. Открылось новое счастье. Предчувствие иной, высшей жизни стоит в этот день над вселенной. И тих в солнечных нитях взмах бело-розовых крыльев. Непорочны белые лилии...

Священная тишина

Мне вспомнилось одно священное детство. Мне вспомнился дальний Назарет, на берегу прекрасного, задумчивого, ласкового озера Тивериадского, среди цветущей, тихой, благоухающей Галилеи, с ее волнистой поверхностью, ее белыми голубями, с ее зеленеющими жатвами.

Среди этой тихой, ласкающей душу успокаивающей природы развивается Его детство...

То следит Он за работой мнимого отца Своего Иосифа: смотрит, как древесный материал быстро преобразуется в старых и опытных руках, крепко держащих инструменты работы. То следит Он за быстрым веретеном в руках Пречистой Девы Марии, превращающей пряжу в длинную бесконечную нить шерсти. То долго, долго смотрит Он, как белый парус скользит, чуть заметно, по тихой поверхности Тивериады, и челн оставляет быстро сглаживающуюся струйку. То смотрит Он на белых голубей, как они стаей кружатся у крыльца их дома, когда Дева Мария выйдет к ним с зерном в соломенной корзине. То стоит Он, замерев неподвижно, созерцая невыразимую небесную славу, в час солнечного заката. То всматривается подолгу в небесные звезды, что горят, переливаются, что-то шепчут земле с высокого свода...

Все покрыто тайной, все покрыто тишиной в этом священном детстве, в этих первых, незримых миру, годах Отрока Иисуса.

Как происходит таинственное единение Его с Отцом: сходит ли Бог Отец к Сыну, никем не видимый, беседуя с Ним и подкрепляя Его Божественными Своими словами в Его тяжком земном подвиге? Рисует ли Он годы проповедничества и скитания, показывая Ему крест, который вольной-волей избрал Он Себе до начала веков и на который взойдет для освобождения человечества в Своей великой, распалюющей Христово сердце любви?

Видит ли отрок – когда один рвет цветы на лугу – окружающих Его ангелов, которые роем спускаются с неба и невидимо преклоняют пред Отроком Иисусом встречающиеся пред Ним на пути молодые деревья?.. Все тишина, все тайна, которую никто не постиг, которая заключена в этих священных днях Назарета, как высочайшего достоинства сокровище в бесценный ковчег.

Гадаем, мечтаем, ловим светлый след, оставшийся от этого детства нашего Искупителя, чувствуем чудное, нежное благоухание, льющееся в мир от этих невыразимых дней. Тайна... Тишина...

И вот, вспомнив о детстве Христа, о тех тихих днях, когда Он в безвестности подготовлялся к великому служению людям, перенесемся мыслью к другим последователям Христовым, которые, в той же совершенной тишине и тайне, начали духовный свой путь.

Вот уже прогремевшие своей мудростью, впитавшие в себя лучшие соки тогдашней образованности будущие светильники церковные, духовные отцы вселенной – Василий Великий и Григорий Богослов – в глубоком уединении, в пустыне, зреют духом...

Чудная гористая местность, горный поток, быстро несущий прозрачные холодные свои воды, суровые отшельнические труды, возделывание огорода, и над всей этой уединенной жизнью – мысль о Боге, стремление к Нему, жажда Его, непрестанная молитва к Нему, постоянное чаяние Грядущего... И тишина-тишина, тайна-тайна...

Вот блестящий оратор, представитель знатной молодежи, Иоанн, будущий златословесный учитель вселенной, недавно еще блиставший изяществом своей одежды, роскошью своего быта, уединился в доме матери своей, не желая знать в жизни своей никого, кроме «Христа, и Того распятого»... И уже в голове его слагаются те мысли, которыми он просветил потом душевный мир христиан. Уже кипят на устах его те высокие, зажигающие, полные непостижимой силы, громоносные, возбуждающие, возрождающие слова, которыми он впоследствии потряс современников, которыми будет потрясать, давно умолкнувший, миллионы грядущих веков...

Жесткое ложе, хлеб с водой вместо богатых пиров, бедная одежда, молитва, мысль о Боге, взор, не сводимый с креста распятого Бога... Тайна-тайна, тишина-тишина.

Вот чудные девы Христовы – Екатерина, Варвара, тоскующие о Боге, таинственные невесты Христовы. Дивные озарения просвещают их души. В ночной тишине к Екатерине, деве пречудной, еще язычнице, приходит Богоматерь с Младенцем, и пламенная любовь охватывает цельную, неиспорченную душу, и льнет эта душа к Тому Христу, Который войдет в эту душу и станет жить в ней. И со сладостной улыбкой, протягивая к ней Божественные руки, Младенец Христос, в знак обручения Своего с ней, надевает Екатерине, деве пречудной, на руку обручальное кольцо. Длится, длится ночь неведомого, дивного обручения... Тайна-тайна, тишина-тишина.

Вот наши родные люди...

В Великом Устюге встречается с зырянами на торгу и часто беседует с ними высокоодаренный отрок. Видит: люди добрые, простые, а сидят во тьме неверия, жалеет их; думает, как им помочь, слагается в душе решимость: «Ничего не пожалею, отдам им свою душу, буду служить им». Запирается в обители, составляет зырянскую азбуку, переводит на зырянский язык нужнейшие книги церковные, готовится сосредоточенно на подвиг проповеди будущий просветитель великой Перми святитель Стефан. Трудится, работает, не открывает еще никому своей мечты... Тайна-тайна, тишина-тишина.

Просторные, богатые хоромы московского боярского жилья. Приближенная ко двору великокняжескому семья Колычевых, и в ней – жаждущий подвига, волнуемый каким-то высоким предчувствием боярский сын Феодор. Сулит ему жизнь большие блага, путь блестящей службы, всякие отличия; но богатство, слава не манят его. Тоскует, рвется душа на простор, в неведомую даль. Порой глотает он слезы, когда окружает его молодое веселье на шумных пирах или когда на борзом коне носится по чисту полю в блестящих боярских охотах.

Слышит наконец в церкви слова Христовы о том, что нельзя служить двум господам. Решается: в одежде простолюдина покидает Москву, некоторое время скрывается в пустынном месте, потом приходит в Соловки. Тяжелый непрерывный труд, никогда не престающая молитва, сладость подвига, счастье вольного уничтожения – вот какими путями ведет Господь к митрополичьему престолу, где он покажет незабвенный сияющий подвиг раба Своего Филиппа... Кто войдет в эту душу соловецкого подвижника, укрывшегося в тесной келье от блеска и шума блестящего московского двора? Тайна-тайна, тишина-тишина...

Вот будущий мученик, последний отпрыск на русском престоле рода Владимира святого царевич Дмитрий происками Бориса Годунова сослан из Москвы в Углич.

Невинное дитя, смутно чувствует он горькую обиду изгнания. Какой мир на его лице, когда во время церковной службы в старых угличных церквях подымет он к иконостасу свою головку!

Всем простил, всех жалеет, ко всем относится с доверием, и когда подосланный убийца, чтобы полоснуть ему смертельным ударом по горлу, спрашивает: «У тебя, царевич, новое ожерелье?» – он, доверчиво подняв к нему свою головку, скажет: «Нет, старое!»

А пока – тихие детские мечты, тайное, не высказываемое пред людьми стремление к Богу, любовь к этим темным иконам, сияющим в драгоценных окладах, к теплящимся в церквях и у них в терему свечам и лампадам, мечты, уносящие душу куда-то вдаль, к Тому Богу, Который так скоро призовет его к Себе... Тайна-тайна, тишина-тишина.

Да, для того, чтобы принять душу в душу Бога, надо *тихо* жить, тихими подвигами подготовить эту душу. Семена веры должны прорасти в душе так же глубоко, как прорастает зерно, с осени заложенное в землю и всю зиму скрытое под толстым снежным покровом.

Жизнь теперь стала шумна, полна какой-то болезненной растерянности. Одинаково – в больших многолюдных городах и в селах – люди думают только о том, как бы побольше позабавиться. Человек не только не может остаться наедине с собой, чтобы отдаться серьезным

мыслям, уйти в молитву, подумать о смерти; но из своей собственной семьи люди рвутся на сторону, не могут ни одного вечера посидеть у себя дома. И в этой вечной суете, этой постоянной смене впечатлений, как-то гибнет и сохнет душа. Как вырастающему человеку нужен тихий уют семьи и очень лишь небольшое количество людей, которых он видит, с которыми он говорит; как нужна для души ребенка жизнь, подобная выращиванию гиацинтов, которые долгое время держат в темноте и, приставляя их к свету, на первое время прикрывают колпачками, – такая же тишина необходима не только время от времени, но даже ежедневно в течение некоторой части дня всякой душе христианской, которая будет стремиться соединиться со Христом.

Есть какое-то проклятие в том, чтобы вертеться весь день или недели, месяцы, годы и десятилетия жизни своей в суете как белка в колесе, столь же мало, как она, от этой суеты получая.

Какими бы сложными обязанностями ни была заполнена наша жизнь, какое бы количество работы мы ни принуждены были одолевать, нет того человека, который не мог бы устраивать себе ежедневно несколько часов или даже несколько десятков минут уединенного размышления, сосредоточенного углубления в самого себя.

Бог руками Своими сотворил для нас таинственную клеть, о которой говорит Священное Писание, а мы в эту клеть и не заглядываем.

А какое ждет нас там счастье, какая отрада! Так вот, устережем время – и вдруг войдем в эту клеть, быстро распахнув в нее двери...

И быть может, еще прежде нашего входа войдет в нее Иной, и мы остановимся в изумлении на пороге ее, так как навстречу нам встанет, с улыбкой любви, сочувствия и призыва, протягивая к нам Божественные руки, лучезарный Христос...

Все для Бога!

Одно из самых больших, самых тяжелых и неизлечимых несчастий, на которые часто обречены люди чуткой пламенной души, – это неудача в любви, это полное равнодушие со стороны тех людей, к которому эти чуткие, живые, отзывчивые души привязываются прочно, крепко, навсегда, привязываются со всеохватывающей силой, с желанием в этом чувстве видеть главное содержание своей жизни. И вот часто на такое-то чувство нет ответа...

Происходит что-то странное, почти невероятное. Люди красивые, талантливые, обаятельные не встречают отклика там, где они вложили все свои душевные силы, тогда как там же люди, не умеющие вполнину любить так, как любят они, люди ничтожные, пошлые, во всех отношениях им уступающие, встречают не только полный отклик, но возбуждают ту самую страсть, какую те, отвергнутые, испытывают к отвергающим их людям.

Есть что-то странное, непонятное, мистическое во всем этом.

Если вдуматься во все то страшное, трудное, унижающее, что переживают люди в подобных обстоятельствах, станет жутко, станет страшно за них. И от всей искренности своей скажешь, думая об этой душе: «Благослови ее Бог!»

Мне пришлось близко наблюдать одну из таких драм. Одна молодая девушка, в семье с большим положением, считавшаяся, как говорится, богатой невестой, привязалась к человеку, товарищу своего брата. Человек этот был способный, но принадлежащий к столь широко распространенному в России типу людей, из которых, как они ни одарены, ничего путного не выходит.

Было грустно видеть, с какой небрежностью этот человек стал обращаться с ней с тех пор, как узнал о ее горячем к себе чувстве. Наконец у нее на глазах он стал ухаживать за барышней гораздо менее интересной и женился.

Эта его жена не могла ничего сделать для дальнейшего его развития. И он провел жизнь прозябая, тогда как в союзе с той ему бы на долю вышла счастливая жизнь.

Когда я думал о нем, мне невольно казалось, что этот человек страдает одним ужасным недугом. Это какая-то жажда разрушения.

Этот молодой человек происходил из богатой семьи. Но вместе со своей матерью, оставшейся вдовой, и со своим братом он быстро пропустил сквозь руки большие имения, которыми род его владел не одну сотню лет.

Столь же мало бережно относился он к тем духовным сокровищам, которые подарила ему жизнь: бедный жалкий человек пренебрег тем счастьем, которое ему открывалось...

А та верная душа все продолжала тосковать и не забывала о нем и тогда, когда он уже женился и через то стал для нее совершенно недоступным. Из-за этого она долго не выходила замуж, отвергайте многочисленные предложения, которые ей были делаемы не только из-за того, что она была выгодная невеста, но и потому, что многим она внушала горячее и глубокое чувство.

Я был свидетелем одной их встречи в провинции, куда она приехала гостить к своему родственнику, занимавшему там большое положение, и где он в очень скромной доле жил со своей женой. Я чувствовал, что она в город попала на муку, что она будет стараться увидеть его и что он продолжит то же свое грубое к ней отношение, которое теперь становилось тем понятней, что он должен был невольно сравнивать свое теперешнее положение с тем, чем он был бы, соединись он с ней, и свою собственную ошибку должен был выместить, по своему обычаю, на ней.

Я видел ее на одном большом приеме, как она всюду искала его глазами, и наконец, когда нашла его забившимся куда-то в угол, постаралась незаметно приблизиться к нему, чтобы поговорить с ним. Она приглашала его зайти к ним запросто, на что он резко ответил, что очень

занят и не может ходить по гостям, расспрашивала его о его семье, на что он давал ей нехотя самые резкие и короткие ответы.

Я сравнивал эту еще полную жизни, с милым внимательным лицом девушку и грубого человека, стоявшего перед ней и нехотя с ней говорившего, и удивлялся тому, как далеко может идти снисхождение великодушной женской души.

В том городе, где происходила эта печальная встреча, была чтимая икона Богородицы. И как-то, войдя в церковь под вечер, я увидел стоявшую поодаль от иконы, с лицом, к ней обращенным, эту несчастную девушку, которая замерла в молитвенном движении.

Я знал и чувствовал, о чем она молилась. Она молилась уже не о том, о чем молилась она прежде, в первые месяцы и первые годы их встречи, когда она вымаливала у Бога, чтобы он полюбил ее так же, как она полюбила его.

Она молилась только о том, чтобы выдержать ту скорбь, которая разрывала ее сердце. А главная тяжесть этой скорби была – по ее великодушию – не в том, что любимый человек был от нее навсегда отдален, но что его жизнь сложилась так печально.

Ее судьба наконец устроилась. Она вышла замуж за человека, который давно добивался ее руки и которого постоянство и благородство победили ее упорство. Он окружил ее величайшим вниманием и преданностью. У нее были дети. Но во всем этом не было того горячего счастья, которого она ждала от другого человека.

Порой она вспоминала его. Однажды мы, не называя того человека, вспоминали о нашем пребывании в городе, где она видела его в последний раз.

– Но вы уже больше не страдаете? – осторожно спросил я.

– Да это, кажется, «овеет прошло», – ответила она. – Я все это передала Богу. Единственное, что мне оставалось и что мне надо было сделать тогда с самого начала, – передать мою любовь в руки Богу, от Которого я эту любовь получила... Не знаю, для чего все это было, не видишь во всем этом смысла, хотя, конечно, когда-нибудь это все объяснится. Я вспоминаю обо всем этом без горечи, без ропота, даже почти без всякого сожаления.

Вот правдивая повесть об одной из тех душ, которые были в тяжелом душевном положении из-за неудачи в любви...

И если эти возвышенные души не находят отклика там, во что вложили все свое сердце, то на это есть, конечно, глубокие причины.

Есть такие души, неисследованную глубину которых может наполнить только океан Божественной любви. Есть души столь тонкой организации, что их не оскорбит одно лишь прикосновение чистейшей Христовой десницы.

Как, например, бегаем мы за людьми и угождаем им и ничего взамен от этих людей не получаем. Тогда как все, что мы делаем для Бога и во имя Бога, наполняет душу такой высокой радостью и до такой степени Господь тем или иным образом всегда даст людям почувствовать, что Он принял дар и ценит его, что, чем больше для Него делаешь, тем больше хочется еще делать.

Один мой знакомый, который уже несколько лет все остающиеся от его бюджета остатки посвящает на разные приобретения для Церкви, передавал, что он пришел к мысли жертвовать на Церковь после того, как испытал, как невнимательно люди, которым он дарил, относились к его подаркам.

– Ведь иной подарок, – говорил он, – цена хорошей священнической ризы, и на что я променял тот дар, который мог бы сделать Богу! Надо взять другую тактику: осыпать приношениями Церковь, а из людей ничего не давать никому, кроме тех, которые во мне нуждаются...

И как я, испытав на своей шее безответственность людей, которые избалованы жизнью, – как я понимаю теперь слова Христовы о том, чтобы звать к себе на пир, – шире понимая, делать всяческое внимание всяким слабым, нищим, бедным, больным – отребиям мира сего.

Бог умеет замечать дары. А я скольким давал подарки, для скольких с тщательнейшей заботой выбирал, чем бы их лучше порадовать, и все решительно зря...

А что может быть по своему значению выше, как жертвовать, например, сосуды церковные. И если омываются грехи тех людей, за которых принесены в тот день просфоры и вынуты части, когда священник, сыпая вынутые частицы в чашу, произносит: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся здесь Кровию Твоею честною», – то, конечно, омывается и часть по крайней мере грехов того, кто принес церкви самый сосуд...

Все ясней открываются мои глаза на людей. И я ясно теперь могу следовать слову Христову: не любить мира и я же в мире...

Но я не грущу, и тем сильней растет мой благоговейный восторг к Божеству...

Все в Нем, все для Него!

Нет, мы не одни

Одно из самых тяжелых в жизни положений – это положение одиночества. Даже там, куда люди уходят из мира спасаться в уединенном подвиге, даже там, где человек ищет единения с Богом, общения с Ним, ничем не прерываемого и не развлекаемого, – даже там считается трудной жизнь совершенного одиночества.

Пусть инок знает путь только в церковь и трапезу, да на послушание, проводя все остальное время в безмолвии и сосредоточении у себя в келье. Пусть он и встречаясь с братией ведет себя молчаливо, не проронит слова ни на трапезе, ни встретив кого-нибудь при входе и выходе из церкви, а за послушанием молча мысленно совершает спасительную Молитву Иисусову, – одно то, что он видит братию вокруг себя, доставляет уже ему немалое утешение.

Как-то легче творить тот подвиг, который одновременно с тобой творят многие люди. Как-то легче выстаивается долгая служба, когда вокруг себя видишь длинные ряды так же, как и ты, неподвижно стоящих иноков. Как-то легче терпеть и суровый пост, и тяжелое послушание, когда видишь целый монастырь постящийся, как и ты, и много иноков, делящих с тобой тяжесть послушания...

Тяжела жизнь одиночества даже и для подвижников. Недаром один из величайших русских отшельников говаривал, что инок, живущий в общежитии, борется с духами злобы, как с волками и лисицами, а инок, живущий отшельнически, – как с леопардами и львами.

Если так тяжело одиночество для души, которая отреклась от мира и все свое счастье положила в стремлении к Богу, если одиночество смущает такую душу, которая отказалась от того, чтобы искать привязанностей людей, и ищет Бога только одного, познает непосредственно одни Божии совершенства и им одним поклоняется, пред ними одними благоговеет, ими одними утешается, то как тяжело одиночество в миру! Как тяжело оно для людей, которые мира не отрекались и которые ищут счастья в союзе с другими душами. А между тем духовное одиночество есть самый распространенный и, быть может, наиболее грызущий людей недуг душевный.

И наиболее человек одинок в своих самых высоких тайных мечтах, в самых своих лучших и благородных стремлениях.

Вы пламенеете усердием к какому-нибудь святому. Его светлая земная жизнь, оказанные им высочайшие дела милосердия, оброненные им во славу Церкви слова, провозглашенное им учение – все это наполняет вашу душу восторгом, и вы хотели бы зажечь такой же восторг в отношении к этому праведнику в другой душе.

И вы начинаете повествовать о нем подходящему, по вашему мнению, человеку, в котором в самом есть много высокого и который, как вам кажется, мог бы особенно душевно отнестись к этому чтимому вами праведнику.

Но вас слушают рассеянно. Очевидно, ни малейшее волнение не охватывает души слушающего. И вам становится не только досадно, но как-то стыдно перед самим собой, что вы выставили напоказ свое хорошее, глубокое, искреннее чувство пред человеком, который в нем ничего не понял.

Ваша душа вознегодовала. Вы услышали о какой-нибудь страшной несправедливости, вы полны ненависти к обидчику, вам хотелось бы сделать все на свете, чтобы утешить и успокоить потерпевшего. Вы, быть может, не сдержитесь, расскажите все это житейское положение, выведшее вас из своего равновесия человеку, который кажется вам ближе по духу. Этот человек отнесется к вашему рассказу совершенно равнодушно, и вам опять стыдно, что вы вынесли изнутри себя святое чувство, которому лучше было бы остаться невысказанным.

Вы услышали о каком-нибудь житейском несчастье, старались помочь как могли, но помощь нужна постоянная и продолжительная. Вам кажется, что вы из среды своих богатых

знакомых, для которых ничего не составляет месячный взнос в пять-десять рублей, можете легко образовать кружок, который собирал бы ежемесячно нужную сумму. Вы рассказываете об этом намеченным людям. Они настораживаются, слушают как-то нехотя и отказываются с оскорбительным для вас равнодушием. Как в эту минуту вы чувствуете себя безнадежно одиноким!

Нет тех людей, для которых была бы ценна та душевная работа, которая в вас совершается, круг всех ваших мыслей и чувств, ваши думы и мечты, ваши взгляды на жизнь, ожидания – все, что составляет главную часть человека, все, что является духовной личностью и представляет главное отличие человека от другого человека. И если у вас бывают порой высокие духовные порывы, если иногда чувство пламенной веры доходит в вас до какой-то осязательности того, во что вы верите, если иногда находит на вас, открывается в вас источник благодатных слез, а молитва действует на вас так, что вам кажется, что вы и горы могли бы подвинуть, – о, берегите, берегите в себе тогда эти тайны духовной жизни, никому их не пересказывайте, потому что люди их все равно ведь не поймут и только осудят вас.

Один молодой мирянин, не чуждый сильных религиозных порывов, стоял однажды перед великим старцем, с которым он случайно встретился и память о котором освещала успокоительным светом всю его последующую жизнь... «Не открывайся никому, – говорил старец, духом чувствуя большую искренность этого человека и доверчивость его к людям, – переживай все в себе самом, не открывайся людям!..» Вот на какое одиночество бывают обречены люди, которым доверие к людям, делящим с ними мысли и чувства, необходимо как воздух... И длятся, длятся в неутешимом, непоправимом одиночестве годы, дни и десятилетия, и усталая душа отказывается от каких-нибудь ожиданий на земле и знает, что свою тоску одиночества принесет Тому Богу, Который один наполнит ничем не наполнимые ее глубины.

Но в этой муке, в этой казни одиночества мы безнадежны только потому, что мы не ищем того, что нам надо и необходимо искать.

Да, люди нам изменят, нас не поймут, осмеют, предадут, злоупотребят нашим доверием. Но как велика наша ошибка – думать только о людях, о людях одних и мерить жизнь нашу, ее радости и ее горе отношением к нам людей! А стоит только нам вспомнить о небе и о том, кто в этом небе живет, и нашему одиночеству – конец, и мы приобретаем внезапно целые ряды дивных, святых, могучих, вдохновенных, разумных, преданных, самоотверженных, радостных, неизменных друзей.

Вот восторг переполнил наше сердце при мысли о величии Божией благодати, наше воображение поразила мысль о том, как велика милость одной евхаристии. Вспомним о недавно жившем, ходившем среди нас, молившемся за нас, утешавшем нас народном пастыре отце Иоанне. Вспомним его восторг, когда совершалось величайшее чудо вселенной: вино бывало Кровью и предложенный хлеб – Телом Спасителя мира. Подняв глаза к небу, поищем в этом небе его, чтобы разделить с ним восторг.

Вот чудная нить, связующая небесное с земным. Есть духовные толчки могучей искры электрической, которые идут от души, торжествующей в небе, души праведника – к скорбящему на земле человеку и от души молящегося на земле человека – к душе, готовой спешить ему с неба, душе праведника.

Вспоминайте, смотрите, приглядывайтесь к жизни, например, этого в чудесах своих неизглаголанного чудотворца святителя Николая, к этой быстрой помощи, с которой он являлся к людям, причем эти люди не успевали или не умели его раньше позвать; разве не видите вы тут напряженной, великой его дружбы к живущему на земле человечеству? Разве не задумаетесь об этих верных друзьях, которых Бог воздвиг в лице праведников Своих для всех, кто хочет знать и звать их?

В одном из явлений своих великий старец Серафим говорил страдающему человеку: «Агафья жалеет тебя». Значит, он, небожитель, и она, древняя первоначальница Дивеевского

монастыря, при жизни неудержимо милостивая боярыня Агафья Симеоновна Мельгунова, – оба с высокого неба наблюдают действия людские, жалеют, помогают.

Если у тебя нет никакого испытания, никакой просьбы – не потому, чтобы ты ни в чем не нуждался, а потому, что ты предал себя воле Божией всецело и довольствуешься той судьбой, какая тебе выпала на долю, и душа твоя полна молитвы не просительной, а благодарственной за все Божии совершенства и восторги, – тогда с кем лучше разделить тебе восторг души своей, как не с теми, чья душа этим чувством безграничного пред Богом восторга была полна всегда и еще жарче горит этим восторгом теперь, в новой торжественной поре их бытия.

Избирай себе в небе друзей по той личной склонности, по которой избирал ты их на земле.

Любишь ты уединение души, созерцающей Бога, и без беседы его возвышает тебя вид погруженного в созерцание отшельника – прилепись душой к великим отцам пустыни. Трогает ли тебя дело безграничного милосердия, влечет тебя к людям, которые на деле воплощают завет «Помогай – бросайся», – привяжись тогда к дивному милостивцу святителю Николаю, то бросающему мешки золота в приданое бедным девушкам, обреченным на бесчестие, то выводящему крепкой рукой корабли от потопления бурей, то избавляющему от казни неповинно осужденных, то воскрешающему упавшего в воду младенца, усугубляющему до неисчислимости свои благодеяния роду земному!... Ищи тогда, поклонись тогда памяти святителя из пастухов Спиридона Тримифунтского, который, не имея что подать человеку во время голода, словом своим змею превратил в золото и по миновении нужды, когда золото было возвращено ему, обратно это золото превратил в змею... Чти Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского, терпение которого к нищим искушал Сам Христос Иисус, приняв на Себя образ нищего, и который воскликнул тогда: «Ты утомишься подходить и просить у меня скорее, чем я подавать тебе»... Чувствуешь ты изнеможение в силах твоих и тебе нужен надежный врач – смотри в очи на иконах невинному отроку Пантелеймону, держащему на руках ковчежец с врачествами и кисть для помазания больных. Вспомни о тех чудесах его, которые он творил по вере в него, и исполнись в него той же верой, чтобы выказал он и над тобой те же чудеса свои. Дорога тебе догматическая сторона веры – благоговей тогда пред памятью таких людей, как великий святитель Афанасий. На нем несколько десятилетий покоилась та церковная истина, которой все тогда изменили и которую он один защищал неборимой силой своего убеждения.

Как бессчетны звезды на небе, так неисчислимы святые дарования их и милости их и отклики от их сердца к сердцу зовущих их и нуждающихся в них и этим самым их откликом утешающихся людей.

Под благодатью (Мысли накануне Нового года)

И к Новому году люди опять будут гадать и страстно и жадно звать к себе счастье...

А где оно? В чем оно? Где его секрет?

Спросите людей, чего они себе всего сильнее желают. И вы услышите почти единодушный ответ:

– Денег.

И ответ этот произнесут столько уст, и слово это будет сказано с такой убежденностью, с такими мечтами, что над землей пойдет всезахватывающий, могучий гул:

– Денег, денег, денег!

Думают, что в этом все счастье, доступ ко всему, полное осуществление всех желаний.

Да, деньги сильны, и человеку самому – для себя лично бескорыстному – они могут дать великое удовлетворение тем, что помогут ему служить другим.

Своими средствами доставить уход и покой больному, чье положение (хотя бы он был для вас первый встречный) вас удручает; навести румянец и блеск глаз на пожелтевшее лицо одинокого заброшенного ребенка; из сырого и темного подвала извлечь неспособного к труду старика, каторжной работой всей своей жизни не смогшего скопить себе лишнего гроша на черную старость; дать возможность способному молодому мозгу, рвущемуся к знанию, спокойно учиться, не надрывая неокрепшие силы, не расхищая незаменимо утекающего времени бегом по грошовым урокам; воздвигнуть храм в честь заветной своей святыни и знать, что веками, пока простоит храм, на престоле, возникшем вашей верой и вашим усердием, будет таинством евхаристии совершаться величайшее чудо и литься поток исцеляющей и возрождающей жизнь вселенной Крови Христовой, – вот это радости! Вот это счастье!

И только когда не на свои успехи идет золото, а на высокие цели совета, помощи, человеколюбия, только тогда оно является источником счастья, истинного, серьезного, нетленного, того счастья, которое не постыдит нас за гробом, но которое мы с собой унесем в блаженную вечность, чтоб там его приумножить и приукрасить.

А иначе – для того, кто живет «в себя», а «не в Бога богатеет», – разве груды золота есть ручательство за счастье, разве отблеск его озарит нам единственную, важную и великую, нашу жизненную задачу – наш путь к вечности?

И разве не должна пред всяким, кто мечтает: «Тем богатством, которое у меня есть или которое приобрету себе, буду наслаждаться, скажу душе моей: ешь, пей и веселись, жизненных благ на твой век хватит», – разве пред таким носителем невысокой мечты не должна стать грозным предостережением притча Христова о таком же вот человеке, который так же усладился мыслью о том, что богатством своим был застрахован от всех житейских невзгод, и в ту же ночь Господь неожиданно взял грешную душу его...

Другие говорят:

– Молодость, молодость... Ах, если бы мне вернуть мою юность – эту свежесть чувства, широкую любовь к людям, и в ответ – любовь этих людей ко мне, эти безбрежные надежды...

В великолепном «разговоре», предшествующем гетевскому Фаусту, есть захватывающий призыв к молодости: «О, дай мне вновь ту свежесть и глубину мучительного счастья, и силу ненависти, и мощь любви, отдай мне назад мою юность».

В звучных, кованых, полных порыва и высокой страсти стихах подлинника этот призыв производит потрясающее впечатление.

Да, великая сила – юность, когда она употреблена на благо, когда она отдана высоким целям. Она носит на себе какой-то светлый венец.

О, юные лета —
Святая пора
И жизни и света,
Тепла и добра.

Но разве юность есть панацея от жизненных бед, разве и ее не касаются горе, болезнь, измены, сомнения?

Что может быть волшебнее расцвета молодого таланта, который принесет людям сноп греющих лучей чувства и мысли? Но глядя на грань смерти, которая косит людей, нужных и полезных в духовной деятельности своей, разве не приходится постоянно восклицать словами Вяземского о смерти?

Как много уж имен прекрасных
Она отторгла от живых,
И сколько лир висит безгласных
На кипарисах молодых...

Так в чем же, наконец, счастье жизни, в чем ее охрана и ее ограда?

Недавно мне пришлось наблюдать очень интересный жизненный случай.

Один молодой офицер славянского происхождения отправился на Балканы.

Это был человек, чрезвычайно ценимый на службе, человек высокого образования и спокойной созидательной энергии. Его служебный путь сложился чрезвычайно блестяще.

Несмотря на уговоры близких людей, он решил ехать на войну. В славянских землях у него были большие связи. Зная его безумную храбрость, друзья за него чрезвычайно тревожились. Из кружка их отсутствовал во время его отъезда один человек, очень его ценивший.

– Какая будет потеря для русской армии! – было первой его мыслью, когда он узнал об отъезде Михаила Петровича. – Ему надо устроить охрану.

Человек этот был верующий. Он знал, что великомученица Варвара, по народному поверью, спасает от нечаянной смерти.

Немедленно была послана телеграмма и денежный перевод в Киев, в Михайловский монастырь, где покоятся мощи великомученицы Варвары, с просьбой отслужить у раки ее молебен о здравии «воина Михаила» и выслать в Петроград немедленно кольцо от ее мощей. Такие кольца надевают на руку.

Когда кольцо было получено, к нему присоединена была ладанка с зашитым в ней псалмом «Живый в помощи Вышняго», который имеет тоже чудотворную охраняющую силу...

Во многих русских семьях отцы и матери надевают детям, идущим на войну, ладанку, в которую зашита бумажка с переписанным на ней этим псалмом, и во многих семьях хранятся рассказы о спасительности этого псалма.

Сын великого русского историка, гвардейский полковник Андрей Николаевич Карамзин, отправился под Севастополь. Сестра его зашила ему в мундир ладанку с девяностым псалмом. И Карамзин оставался сохранен во всех сражениях. Как-то, собравшись быстро в бой, он поленился переменить мундир, в котором был, на тот, в который зашита была ладанка, – и был убит. Он схоронен, привезенный в Петроград, в Новодевичьем монастыре; над могилой его вдовой воздвигнута церковь, называемая Карамзинской.

... Ладанка с псалмом была в маленьком складне с иконой преподобного Серафима Саровского, который посылающий снял с себя. Все это было заделано в пакет и дано известному политическому деятелю NN, ехавшему на Балканы и знакомому с Михаилом Петровичем.

Сперва шли депеши и письма часто. Потом бывали перерывы. При тайне, соблюдаемой славянами о передвижении их войск, об убитых, русские друзья воевавшего офицера могли предполагать самое худшее, когда сведения прекращались.

В конце концов посылавший кольцо и ладанку получил окольным путем, от родственников офицера, известие: «Михаил Петрович встретился с NN и получил Вашу посылку. Кольцо надето, и ладанка висит на шейной цепочке».

Позже пришло непосредственное письмо, написанное офицером еще до встречи с NN, и, как все письма оттуда, без числа, без означения места и с подписью военных властей «Проверено»:

«Ваша телеграмма и письмо с братскими заботами обо мне глубоко трогают меня. Не имея того, что Вы послали мне, в эти дни горячего боя меня провожает Ваше искреннее чувство. Мне кажется, что то, что назначено для меня и послано мне, как будто уже на мне и охраняет меня своей силой.

До сих пор я проскочил два раза чрез верную, казалось, гибель.

В первый раз грузовой автомобиль подхватил передним своим колесом длинный хвост моей лошади и со страшной силой и быстротой ударил лошадь о полотно шоссе на дороге. Это было на 10-й версте от города Ямболи к Казыл-Ачагу. Мои люди крестились и говорили, что я спасся чудом. Я упал с лошади, не получив решительно никакого ушиба.

Вчера я поехал разыскивать NN. Говорили, что он находится в боевой линии. По пути попал под артиллерийский огонь. Шрапнельные пули свистели кругом, не задев меня. Оказалось, NN, не доезжая нашей дивизии, повернул назад в Главную квартиру.

С этим чувством я останусь и в дальнейших боях. Чувство мое вызвано Вашим чувством, которое подсказало Вам снять образ с себя и послать его в охрану мне.

Да утешит Вас Бог в награду торжеством христианской славянской идеи: отбросить нехристей из Европы, а потом от Гроба Господня.

Пишу Вам с высот у города Чаталджи, откуда в бинокль ясно различается в мраморном тумане Царьград, куда направлены мечты всех борцов».

И если спросят теперь, что дороже всего в жизни, как не ответить: *ходить под благодатью*.

Счастлив тот, кто ставит себя сам под покров небесной силы.

Счастлив и тот, кого другие подводят под этот покров. Счастливы дети, за которых молится мать вблизи или вдали от них, незримо низводя на их голову небесное благословение. Счастливы люди, которых в опасностях, трудах и искушениях помнят другие люди, указывая на них небу и требуя для них помощи и охраны...

И если б все жили так – под благодатью, ею просветляемые, хранимые, водимые! Тогда все были бы счастливы...

Святочные дни (Из детских воспоминаний)

Мысль, что все случившееся с вами прошло безвозвратно и не может повториться, придает какую-то тихую грусть вашим воспоминаниям, и тем большую грусть, чем дальше эти воспоминания уходят.

Так и я тихо и грустно переживаю иногда мои детские годы и с тоской смотрю на невозвратимые картины, которые никогда не возвратятся уже потому, что многих, многих людей того времени, мне близких, уже нет.

Воспоминания моего детства, относящиеся к Рождеству, связаны почему-то с представлением чрезвычайных холодов. Я вырос в Москве, и в моем детстве морозы за двадцать пять градусов в декабре и январе не были редкостью. Конечно, нас в такие дни не посылали гулять, как это водилось ежедневно при нашем размеренном и строгом воспитании.

Что-то волшебное, живое чудилось в этих морозах.

Бывало, если взгляды русского учителя и француженки, постоянно за нами следивших, не были очень зорки, подойдешь в детской к большому окну, станешь рассматривать заиндевшие стекла. На них столько узоров нарисовал затейливый чудодей мороз: все шире и шире из узоров белых звездочек вырастает какое-то царство, какие-то тихие, в даль уходящие сказки. И так замечаешься Бог знает о чем, пока тебя с упреком не отведут от окна.

Когда опускали шторы и зажигали огни, то от мороза ставили к окнам большие старинные ширмы, и в комнате тогда, в нашей громадной детской, становилось еще уютнее.

Комната эта была перерезана во всю ее длину большой гимнастикой, по которой мы постоянно лазили как белки, приобретая большую ловкость. В двух углах комнаты и по стенам были конюшни, где стоял разнообразный наш скот: лошади без седел и с седлами, из которых одни снимались с лошадей, другие были к ним прикреплены, коровы, ослы, повернутые головами к кормушкам. Были в комнате и старинные поместительные кресла с дубовыми рамками, в которых могло за раз помещаться нас несколько человек. Эти кресла, вместе со старинными стульями красного дерева с уходящими назад спинками, изображали, когда это требовалось, и корабли, и леса, и большие дорожные кареты, в которых едут путешественники, ожидаемые разбойниками.

Еще помню я стол, имевший вместо одной обыкновенной доски внизу еще вторую такую же сплошную, как верхняя, для того, чтобы на нее могли упираться короткие детские ноги. В пространстве между этими двумя досками было очень удобно прятаться, и чувствовалось там очень уютно. Этот стол имел тоже большое значение в наших играх.

Когда я себя еще очень мало помню, Рождество представлялось мне каким-то особенным временем наплыва сладких вещей.

Потом я стал помнить торжественную всенощную, громкое пение, тяжелые паникадила в огнях, тяжелые золотые ризы, клубы ладана, расстилающегося в храме, – и над всем этим мысль о Младенце, Который только что родился и Который есть Бог.

Я чувствовал под этими напевами, под этой захватывающей церковной обстановкой какую-то приходящую с неба тайну, и тайна эта звала и обещала.

Было одно Рождество в моем семилетнем возрасте, которое я не забуду никогда, потому что оно предварялось несколькими мало, может быть, видимыми событиями, которые, однако, оставили во мне глубокий след.

Наш отец, который был человек чрезвычайно занятой и не мог никогда присутствовать на наших уроках, захотел посмотреть, как и чему нас научили. Вместе с тем он пригласил к этому экзамену несколько родных и придал всему торжественную обстановку. Экзамен происходил у

него на половине, куда мы никогда не смели ходить сами и куда нас приводили два раза в день утром и вечером, здороваться и прощаться с отцом. Я помню большой стол, покрытый зеленым сукном, каких-то незнакомых нам учителей и профессоров, какого-то важного протоиерея. После экзамена, который прошел прекрасно, был большой обед и нам подарили великолепные книги.

По в тот же вечер со мной совершенно незаметно произошло такое обстоятельство, которое заложило в моей душе теплую любовь к русской церковности.

Среди объявлений иллюстрированных изданий, рассылаемых перед Рождеством, к нам в дом попал один лист, на котором был изображен митрополит Филипп перед Иоанном Грозным. Доселе еще я живо помню этот несколько размазанный черный рисунок: Филиппа, не сводящего строгого взора с лика Спасителя, царя, гневно перед ним стоящего и опирающегося на жезл, и толпу опричников. Не знаю, кто мне объяснил содержание картинки, но подвиг Филиппа возбудил во мне необыкновенный, хотя и молчаливый, восторг. Я никому не рассказывал о том, что пережил, но несколько дней ходил, все думало Филиппе.

В самый вечер экзамена нам сделали ванну, а я с детства любил звук падающей и плещущей воды. Сидя в ванне, производя нарочно руками движение, чтобы вода плескалась, переживая в это время ощущение необыкновенной уютности, я весь переносился в такой же студеной зимний вечер в Москву, в боярский дом Колычевых, и видел Филиппа мальчиком, отроком, при дворе великокняжеском – взрослым, в одежде простолюдина уходящего из Москвы.

На другой день вечером отец забрал нас всех в сани и повез по городу делать разные закупки – между прочим подарки для нас. Но, когда мы вернулись домой, пришла неожиданная весть.

У нас была старая няня Марья Андреевна, почтенная, видная собой, медлительная в движениях и очень любящая старушка, которая вынуждала нас всех и жила на покое у своей сестры, имевшей маленький домик на окраине города. Мне до сих пор представляются ее седые волосы из-под гофреной рюши белого чепчика, достойный, тихий взгляд ее светлых глаз. Она обыкновенно приходила к нам на все большие праздники, в именин и дни рождения каждого из детей, так что мы ее скоро ждали.

Между тем, когда мы вернулись домой, у нас сидела ее сестра и сказала, что Марья Андреевна внезапно скончалась.

Я уже был тогда уверен в бессмертии души и с детской наивностью полагал, что душа первое время по разлучении с телом видимым образом ходит по тем местам, где она жила, и я поджидал, что Марья Андреевна придет к нам в комнату ночью, и не мог спать ни в эту ночь, ни в ближайшие ночи. По случаю холода нас не взяли на похороны, и я с ужасом представлял себе, как няню Марию Андреевну опускают в холодную, мерзлую землю, в могилу, которую, как говорили старшие, еле могли вырыть – так застудилась земля.

И вот исчезновение близкого человека, который на днях должен был улыбнуться нам и теперь не придет никогда-никогда, и появление на землю чудного Младенца – эта смерть и эта жизнь сливались в одну общую тайну, образуя, быть может, в душе и весь земной век, чувство глубокого умиленного смирения перед неразрешимыми и вере лишь понятными загадками бытия.

В первый день праздника поутру всегда являлся к отцу какой-то старик очень симпатичного вида, похожий на тех гномов с седыми бородами, которых теперь расставляют в загородных садах. Мы слышали, что этот старичок очень бедный и что у него есть внуки. Его всегда звали в кабинет к отцу, который оставался с ним некоторое время наедине; кажется, нам говорили, что отец его знает уже не один десяток лет, и я думаю, что отец его содержал. Потому он приходил к нам и приносил какие-нибудь незатейливые игрушки в виде белых мохнатых кроликов, какие-нибудь теплые варежки или что-нибудь еще в этом роде. Мне всегда было

страшно жаль этого маленького старичка, его старости, его тихого голоса и ласкового взгляда и того, что он пришел в такой мороз. На Пасху он обыкновенно приносил белые сахарные яйца.

Потом наступало веселие и светская сторона праздника. К нам приезжали родные и знакомые, среди которых почему-то было мало детей, все только взрослые. Мы любили смотреть из окна на экипажи, останавливающиеся у нашего крыльца, и обсуждать между собой, у кого из приехавших лучше лошади. У одной нашей тетки был представительный старый выездной и две быстроходные пары гнедых и белых. Мы любили разговаривать с ним о лошадях, расспрашивая его, бывают ли лошади зеленые и синие. Он уверял, что бывают, только редко.

Нас возили иногда на большие елки, детские праздники, где было много нарядных детей и много всяких лакомств, на костюмированные вечера. У одних знакомых показывались часто прекрасные теневые картинки для нескольких десятков собравшихся детей.

Я помню, как ни весело бывало на всех таких сборищах, после них я чувствовал какую-то тоску. В праздники я ожидал чего-то особенного, захватывающего, а все было бледно и недостаточно. Я думаю, что многие люди, способные к религиозным переживаниям, испытывают то же, пока не сумеют уйти всецело в мир веры.

Я все ждал чего-то таинственного.

Однажды под Крещение, в чрезвычайно холодную зиму, отец пришел к нам в комнату и велел подать себе горящую у нас в детской перед образами лампадку. Потом пришли к нам за медными старинными подсвечниками, один из которых у меня есть доселе и который имеет вид церковного шандала. Я вообразил себе, что там, на половине отца, происходит что-то совершенно необычное, именно что он или думает умирать, или уходит в монастырь и желает проститься с детьми в торжественной церковной обстановке.

Между прочим все объяснилось. Он просто, не желая подвергнуть нас риску выходить на улицу и простужаться при переходе на жгучий мороз из страшно жаркой церкви, заказал всюнощную на дому и потому все к этой всюнощной готовил.

Холод, холод...

Я помню разговор о галках, замерзавших на лету. Помню впечатление чего-то режущего в те полминуты, когда нас иногда выносили, закутанных в башлыки, из крыльца, чтобы посадить в карету.

И помню я вместе с тем какой-то холод уже тогда чувствовавшегося одиночества, какую-то неудовлетворенность. И думаю теперь, что детям лучше, чем их возить на праздники или в театры, надо больше, больше говорить о Христе, показывать картинки, изображающие Христа беспомощным младенцем. Надо раньше думать об утолении той жажды, жажды палящей, жажды, иссушающей душу, которая ждет некоторых детей с первых сознательных лет и утолит которую ребенок только тогда, когда Христос возьмет его на Свои руки, как взял некогда младенцев, принесенных к Нему.

Заветные места

Сосняк. Бесконечный, привольный сосняк. Дремучий бор, задумчивый и тихий, скрывающий какие-то тайны.

На холме, у подошвы которого слились две лесистые речки, восстала пустынная обитель... Пред часами служб пронесется по бору благовест колоколов; и когда ударят к «Достоинно», старые сосны закивают в лад седыми верхушками, молясь и почитая совершающееся в соборном храме чудо. Мерным боем отзванивает часы и получасы могучая и вместе легкая колокольня, словно возносящаяся в небо; звучный бой расплывается в воздухе, и снова все тихо, и безмолвно молятся сосны.

И тому, кто знает эти места, тому начнут сниться въявь счастливые сны...

Идя по опушке леса, все ждет он, что вот затрещит хворост от чьей-то тяжелой походки и появится медведь, направляясь к Саровскому отшельнику за куском пустынного хлеба, и отшельник в белом балахоне, с сияющим благодатью лицом, станет кормить его из своих рук.

Забравшись в чащу леса, вы сейчас – кажется вам – набредете на большую скалу-камень. На камне на коленях тот же пустынный. Руки его простерты к Богу. Обратив к небу лицо с выражением неотступной мольбы, он тихо шепчет краткие слова Мытаревой молитвы: «Боже, милостив буди мне, грешному!» И старые сосны склонились к нему, точно хотят помочь ему в его борьбе с силами ада, и невидимые ангелы готовы слететь и окружить его. Но нет еще на то мановения Божьей руки. Старец Серафим одиноко ведет свою борьбу пред очами взирающего на его подвиг Бога.

А там, в обители, на горе, когда после обедни и трапезы затихнет движение богомольцев, – тогда для вас монастырь наполнится невидимой для других толпой.

Между собором и длинным белым корпусом келий, от которого осталась теперь одна лишь комнатка, – келья старца, обведенная, как чехлом, стенами нового храма; в этом пространстве между собором и кельями волнуется, как море, большая толпа народа. Отовсюду сошелся-съехался он: изблизи и издалека, из лачуг и богатых хором. Иные уже не в первый к старцу раз. Другие недавно о нем услышали. И то, что услышали, было так необыкновенно, чудесно, что бросили все дела, чтобы увидеть скорей это чудо – Саровского старца Серафима.

... И идет, разворачивается вглубь и вниз эта святая русская быль, эта жизнь, светлейшая, чистейшая небесной звезды, тихая, отрадная, сладостная.

Зима. Ночь. Второе января 1833 года. Белые снега вокруг Сарова в опрае зеленых вечных лесов. Ясное небо ночное в огнях. Все тишина, все тайна, все святыня. Выше же всего тайна, что совершается в тесной келье старца Серафима. Много видела она чудес, и в один счастливый день сошла в нее для посещения избранника Своего Сама Царица Небес. И вот последняя тайна.

В белой одежде своей, на коленях изливается в последней молитве душа старца...

Вся жизнь промелькнула пред умственным взором: и дни детских молитв, и первые подвиги в Сарове, и видения, утешавшие душу, и несказанной тягости труды – отшельничество, столпничество, молчальничество, затвор, и легион открывшихся ему и искавших у него вразумления, помощи и силы душ человеческих, – и под этой всей жизнью одно неизменное, непреходящее чувство: тоска по Богу, жажда Бога...

Скоро, сейчас...

Никто не видел, как хор ангелов с тихой нездешней песнью слетел к Саровской горе. Как расширились стены, поднялся потолок тесной Старцевой кельи. Как по небу светлый путь из лучей разостлался от этой кельи туда, до заветного «третьего неба», и как с торжеством в родные обители рая возносили руки ангелов многострадальную, познавшую уже на земле небесную жизнь душу старца Серафима...

Вот какие видения чудятся вам, когда вы, зная все, что там было, бродите по Сарову... Читатель, пойдёмте походим с вами по этим заветным местам...

.....

Путь в Саров лежит через Арзамас, что в четырёх часах железнодорожного пути от Нижнего Новгорода.

Довольно доселе людный, а когда-то и вовсе оживлённый бойкой торговлей, Арзамас длинен, и вы долго едете по нем, любуясь прекрасными, богатыми его церквами...

Сейчас же за Арзамасом начинается простор лугов и полей: леса нет почти вплоть до Сарова. Верст за пятнадцать от пустыни можно свернуть немного в сторону, на знаменитый любовью и заботой о нем старца Серафима Серафимо-Дивеевский женский монастырь. Но мы поедём прямо на Саров, и последнюю часть пути посвятим беседе о подвигах старца.

Старая русская набожная семья курского гражданина Мошнина, занимающегося крупными подрядами по каменным постройкам. Рано умер. Жена продолжала вести дела, начатые мужем. Была разумная, домовитая. Любила бедных, устраивала судьбу девушек-сирот – делала им приданое, выдавала их замуж.

Не могла просмотреть умная женщина работы, совершавшейся в душе второго и младшего сына ее Прохора. Чудное что-то было в этом ребенке. Чудные свершались над ним дела.

В то время как мать осматривала строившуюся колокольню, мальчик упал с верхнего яруса: не было перил. Кинулась мать бежать вниз, похолодев от ужаса, чтобы собрать кости ребенка, а он стоит невредимый.

В другой раз сильно заболел Прохор – болел тяжело, долго и упорно. И вот Матерь Божия является во сне мальчику и говорит ему: «Я приду к тебе и исцелю тебя». Через несколько дней несут по городу знаменитую икону Богоматери Коренную. Ударивший проливной дождь заставил свернуть через двор Мошниных. Вдова приложила сынка к иконе, и мальчик исцелился.

... Ночь. Уснула в хозяйственных расчетах, в думах о сиротках, о которых она пеклась и выдавала замуж, домовитая Агафия Мошнина. Спят и другие обитатели мошнинской усадьбы. Живут во всем доме только огни разноцветных лампад, что горят, мигают пред старыми иконами. И кажется порой, что оживают суровые лики, глядящие прямо из вечности бесстрастными прозорливыми очами.

Пред старыми иконами стоит мальчик...

Тихонько, таясь и крадучись, поднялся он с кровати, подобрался к иконам и замер.

Хорошо ему. Теперь, в темноте и тишине ночи, нет больше, кажется ему, никаких преград между ним и его Богом, и вместо заснувших людей дом населен пришедшими к нему гостями из райской стороны...

Не видит их ребенок, но чувствует. Улыбаются ему ликами своих икон, хотят ему помочь и наставить.

Хорошо...

Сердце колотится в груди усиленно, но сладко. До слуха доносятся отголоски какой-то священной, нескончаемой песни. И этой песни нельзя вдосталь послушаться. Какие-то токи всеобъемлющей, благодатной любви к Богу проходят через все тело, и от них тело как-то легчает, словно отделяясь от земли и возносясь в высоту.

Вся душа трепещет любовью, желанием эту любовь доказать, быть неотступно при Христе, нести для Него жертвы... Вот в древности страдали же дети – принимали за Христа мученический венец, отходили, чтоб с ангелами воспеть Ему вечно новую песню.

А темные лики преподобных смотрят мальчику в душу. Мучеников больше нет; есть бескровное за Христа страдание. Взять свой крест и идти за Ним...

Дремучий лес, шалаш из ветвей, струи говорливого ручья, пение птиц, славословящих Бога. И среди этой чудной пустыни – инок с непрерывной хвалой Господа на устах... Мальчик Прохор широко открытыми глазами смотрит пред собой. Этот-то ведь инок – он сам...

.....
Проходят годы.

Несколько молодых людей в одежде странников взбираются под тяжестью котомок по крыльцу Мошниных. В главной комнате в углу на столе, покрытом белой скатертью, поставлены семейные образа в серебряных окладах, лежит небольшое распятие из меди. Это вдова Мошнина должна благословить сына Прохора, которого она отпускает в монастырь.

Само собой уже давно всем понялось, что не жилец он в миру. Никто не видел его за обычными развлечениями молодежи. Но кому хотелось послушать о святых местах, о жизни былых угодников, те шли к нему. И случалось, что какой-нибудь зажиточный щеголь-паренек, плясавший накануне в хороводе и зубоскаливший с молодницами, часами, не двигаясь с места, слушал сладостные рассказы Прохора... И взошедшие по мошнинскому крыльцу молодые люди – это куряне... Увлекаемые примером Прохора, собрались они идти за товарищем в монастырь...

То, что совершалось теперь, казалось и ожидаемым, и естественным...

Вот в этом семейном уютном жилище стоит молодой, стройный, красивый Прохор перед матерью, и не умеет она ничего сказать ему. Только дрожащими руками крестит его медным распятием, да в глазах ее светится тоска разлуки и безграничная материнская любовь.

А ему – что в тот миг видится ему? Видится ли детство, рассказы матери о Божьих святых, неясные порывы к Богу, счастье первой «умной», все существо проникнувшей молитвы, радость благодатного, сошедшего на душу умиления?

Видится ли будущее – непроходимый, неумолчно шумящий вечнозеленый бор – и в этом бору одинокий отшельник – он сам...

.....
На высоком холме своем, царя над окрестностью, стоит Саров, и громко поют под вечер его колокола медную славу во имя Пречистой, которой завтра празднует церковь.

Под этот звон входит в Саров Прохор. Ласково принял его игумен, тоже, как и он, родом из Курска...

Начало монашеских подвигов. Всюду первый на службах, усерднейший в послушаниях. Сосредоточенный, молчаливый. Чувствуют опытные монахи: происходит в нем какая-то великая и ценная внутренняя работа...

И вот после обычного монашеского пути один за другим принимает он на себя особенные подвиги.

Вот уходит в пустыню, и глушь Саровского леса оглашается временами восторженным пением Серафима. Как вольная птица вольной песнью хвалит он Бога.

Страшна та борьба, доходящая до страшных схваток лицом к лицу, что ведет он с непримиримо жестоким врагом... И вот для конечной победы избирает он новый жесточайший подвиг – столпничество. Тысячу дней стоит у себя в келье на камне, на коленях, и тысячу ночей – на камне-скале в лесу, под открытым небом, подняв к Богу молебные руки, и шепчут не переставая уста ту же, все ту же молитву – Молитву мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешному»...

По нет, и этого мало душе, захотевшей познать во имя замученного и распятого за нас Христа всю глубину муки, всю силу страдания...

Молчаливость, затвор и углубление души в Боге, открывшиеся ей тайны, восхищение ее в небесные обители, хождение по раю...

Душа созрела.

Приблизясь к Богу, пламенеет чистой любовью к людям. Все понимает, всех жалеет, вмещает в себе весь мир, давая каждому отдельному человеку такую силу привязанности, словно любила одного лишь его.

Сквозь даль пустыни почуяли люди эту любовь. Пошли ею греться. Идут непрерывной вереницей – из сел, деревень, из лачуг и столичных дворцов. Все несут великому старцу тот же груз – камнем лежащие на сердце грехи, тоску, покаяние, желание и надежды лучшей жизни и веру в светлое, безгрешное существование после измучившей и исказившей душу земли...

.....
Поедем в Саров!

Поедем в это пустынное место, где все так не похоже на повседневность, где когда-то могучая русская душа прорвала непроходимые для земного человека преграды между небом и землей, и жила на земле, как в небе, и в небе ходила, как по земле.

Ступим на эту священную почву, изрезанную по всем направлениям шагами дивного праведника. Вдохнем в себя воздух той кельи, что полна навеки оставшихся в ней его чудодейственных молитв, в которых когда-то прозвучали тихие речи пришедшей к Своему избраннику Царицы Небес.

С верой, ставши хоть на короткое время снова детьми, войдем в святые врата Сарова.

Вот сразу пред нами во всем величии высокий собор, имеющий вид спокойно плывущего могучего корабля. Как напоминает этот Успенский храм заветную, на чудесах построенную «Великую Церковь» Киево-Печерской лавры...

В уступе южной стены, снаружи, прилегает часовня над могилой великого старца, в которой много десятков лет ходили на поклонение, как ходят теперь к его раке. Место в земле, где стоял гроб, теперь облицовано мрамором, и сверху сделан сход.

А вот мы внутри собора.

Какой чудный, величественный иконостас... Словно запутались, переплелись могучие, каких и в природе не бывает, какие были разве только в земле обетованной, виноградные лозы, образуя просветы для икон. И весь иконостас устремился множеством ярусов в высоту, восходя к небу...

Между двумя столпами, поддерживающими своды, стоит во славе беломраморная, под балдахином древнерусского стиля, рака чудного старца... Когда она открыта, вы видите под шелковыми или парчовыми воздушными очертаниями главы и прикладываетесь через прорезь к челу.

... О, духом поспеши, выйди навстречу к нам, тихий, скоропослушный чудотворец! Прижми нас к твоей груди; дай нам часть твоего на всех хватающего сердца. Как твоим прежним гостям, так и теперь – от своей души к душе нашей – воскликни громко: «Христос воскрес!» И пусть от этих заветных слов возродится все во внутреннем мире нашем...

Встань, поспеши к нам! Прими, выслушай, побеседуй. Блесни, осияй нас твоей святыней; согрей, просвети твоей благодатью!

Серафим, Серафим!

Стойте тут, раз уж дошли до этого святого места, раз в нескольких шагах от вас в этой раке один из славнейших нерукотворных живых храмов торжествующего Бога.

Стойте, говорите все, что на сердце, что наболело, чего вы желали и что не сбылось; чего ждете, но не смее надеяться. Все ему говорите – дурное и хорошее. Он все разберет и в чистом виде светлым фимиамом вознесет молитву вашу внимающему Богу.

Идет за молебном молебен; не молкнет зов к нему, вокруг кого при жизни волновалось, бывало народное множество, кого теперь зовут с разных концов, кто так скоро и осязательно отвечает.

Ведь всякий зов к нему вызовет его милость, ласку, дар вашей душе.

Если же вам не нужно ничего, стойте, грейтесь у очага святости, «смущаясь и дивясь», радуясь этому воздуху той совершенной праведности, по которой с детства тоскует ваша душа...

Потом, от его раки, пойдем в новый храм, воздвигнутый над его кельей.

В западной части обширного богатого храма хранятся четыре стены его кельи, заключавшейся раньше в большом каменном корпусе, разобранным, чтоб дать место этому храму.

Справа от входа – печь с лежанкой из белых с зеленым убором изразцов, справа – единственное небольшое окно. В углу – снимок с той находящейся в Дивеевском монастыре подлинной келейной и любимой его иконы Богоматери Умиления, пред которой он скончался в коленопреклоненной молитве.

Подсвечники с аналоем стоят на вероятном месте этой блаженной кончины. А большой, во весь рост, портрет на стене прямо перед вами прекрасно передает эту кончину. Очи сомкнуты на святом благодатном лице; но ждешь – вот откроются. Уста не дышат. Но кажется – вот-вот раскроются, прошепчут: «Радость моя!»

Теперь, по берегу Саровки, имея слева сосновый бор, пойдем в «ближнюю пустыньку», у которой расположен и колодезь.

В «ближнюю пустыньку» старец в последние годы жизни ежедневно уходил на большую часть дня. Самая келья его перенесена в Дивеево. По пригорку, где стоит снимок с той кельи, был огород, где он работал. А через дорогу – чудотворный источник.

Однажды старец увидел на том месте Богоматерь, ударившую жезлом по земле, и тогда закипел ключ воды... Сколько чудесных произошло от этой воды исцелений!

Теперь у источника теплая купальня. Раздевшись, входят в помещение, где в деревянном срубе сделаны трубы, краны, под которые подходят, и тогда студеная вода окатывает все тело.

Как легко, как бодро чувствуется потом!

Еще дальше в лес... Вот место моления на камне, отмеченное лежащим здесь остатком скалы, кусочками давно уже разнесенной богомольцами по России.

Вот «дальняя пустынька», где старец жил отшельником, где, неслышные людям, лились его песни Богу, где медведи принимали хлеб из его рук.

Постойте тут... Оглянитесь, вслушайтесь...

То не снег играет на солнце. То сверкает белая риза души его.

То не старые сосны шевелят верхушками. То старец тихо шепчет душе вашей слова привет, любви и надежды.

Послушание Богу

Военные действия представляют собой величественное зрелище повиновения громадного количества людей лишь одной объединенной воле верховного вождя.

Решения, возникшие в уме главнокомандующего, распространяются немедленно на всю армию, от заслуженнейших генералов до последних солдат.

Приказ главнокомандующего сообщается командующим отдельными армиями, которые передают его в свою очередь находящимся у них в распоряжении командирам отдельных корпусов, состоящих примерно из пятидесяти тысяч человек. Эти командиры корпусов передают то же приказание подвластным им командирам дивизий, от которых приказание идет дальше к подчиненным им командирам бригад. Эти последние передают распоряжение состоящим у них в подчинении командирам полков. Те в свою очередь сообщают то же приказание подвластным им батальонным командирам. От батальонных командиров приказание передается ротным командирам, которые в свою очередь передают его своим полуротным. И так через взводы и отделения это распоряжение, вышедшее из уст главнокомандующего, достигает последнего рядового.

Залогом успеха всякого военного предприятия должно быть точнейшее исполнение исходящего от верховного начальства приказа. Приказ должен быть выполнен в мельчайших своих подробностях, именно так, как он издан главнокомандующим. Ни малейшей перемены какой-нибудь подробности быть не должно. Иначе не достичь намеченного главнокомандующим успеха.

Приказ должен исполняться точно, немедленно, безусловно и с таким усердием, чтобы строгое исполнение его не только не допускало какого-нибудь промедления, но чтобы приказ исполнялся еще скорее, чем предполагал начальник.

От одного раненого, вернувшегося теперь с поля военных действий, участвовавшего также в японской кампании, мне довелось услышать о том, какие иногда на войне даются приказания.

Стоит, например, какая-нибудь деревня, взять которую не представляется решительно никакой возможности. И начальство знает, что это невозможно. Между тем, по каким-нибудь стратегическим важным соображениям, на эту деревню надо произвести атаку, и какому-нибудь офицеру приказывают: «Займите эту деревню».

Он знает, что идет на дело совершенно безнадежное и что жизнь его и его отряда должна быть принесена в жертву успеха того дня. И он идет не дрогнув, идет на верную смерть, своим храбрым натиском отвлекает значительную часть неприятельских сил и падает, служа намеченной главным начальником цели.

Да, не все приказы исполнять легко и сладко. Часть приказов осуждает вас на верную смерть, и тем не менее их надо исполнить, и успех войны от того именно и зависит, что в нужную минуту самый страшный и грозный для исполнителей приказ будет исполнен в точности, сколько бы жизней это ни стоило. И общий успех, конечный итог войны, покупается ценой такого самоотвержения людей, которые делали то, что им приказывали, жертвуя своей жизнью. Вне этого совершенного повиновения невозможно решительно ведение войны. Там, где подчиненные своевольничают и не исполняют данных им приказаний, возможно только поражение и всевозможные несчастья.

Представьте себе, что какому-нибудь генералу с его значительным отрядом приказано занять какую-нибудь позицию и отстаивать ее, задерживая натиск приближающегося неприятеля.

Уверенные в охране своего фланга, главные силы стоят спокойно. Представьте же себе, что этот генерал по какой-нибудь причине не исполнил данного ему приказа и отступил, да еще

не предварив главного начальника. И тогда не ожидавшие натиска главные силы будут вдруг сметены неожиданным наступлением неприятеля и последует величайшее несчастье – разгром значительной силы, бесплодная, никому не нужная гибель одних и взятие в плен других.

Вот почему неповиновение данному приказу, считающееся вообще в военной службе величайшим проступком, во время войны является совершенно нестерпимым преступлением и без дальнейших разговоров карается обыкновенно расстрелом.

Теперь от этих дел войны, от этих обстоятельств военной службы перейдем к нашей жизни и применим только что изложенный военный взгляд к нашим отношениям к Тому высочайшему Существо, Которое является верховным вождем для всего человечества.

Мы говорим о Божестве. Для человека вдумчивого, для человека, который принял близко к сердцу закон Христов и старался его воплотить в своей жизни, для этого человека жизнь представляется непрерывающейся войной. Война эта не видная, но свирепая, требующая от бойцов постоянной внимательности и напряженной воли. И ставка в этой борьбе – спасение души в случае победы, вечная гибель в случае поражения.

Да, мы воюем. И брань наша направлена на несколько фронтов. Прежде всего против лукавого, неустанного в борьбе, векового ярого ненавистника Бога и высшего Божьего творения, людей, – диавола. Боремся против себя самих и против внушений нашего слабого, склонного к страстям, малодушного сердца, увлекающего нас уступить греховной природе. Борьба наша, наконец, против всего мира, согласие с которым склоняет нас к изменам Христу. Борьба наша против разнообразных обстоятельств, которые дают нам повод к этой тяжелой ужасной измене. И успешная победа, и спасение наше и тут, как в спаянной дисциплиной армии солдат, заключается в повиновении воле верховного Вождя человечества Господа Бога, в точном исполнении Его закона.

Все наше несчастье заключается в нашем постоянном своеволии, в том, что никто из нас в большинстве случаев не хочет попробовать жить во всем согласно с волей закона Божиего, настроить себя на духовный лад, держать свою жизнь в постоянной согласии с Христовой волей и испытать в своей жизни цену тех чудных даров Святого Духа, которые в нас при таком быте немедленно обнаружатся.

Устроившись по заветам Христовым, мы будем постоянно возглавляемы, питаемы, вдохновляемы, водимы, покрываемы благодатью Христовой. Церковь Христова дает нам доступный всякому из нас идеал жизни во всей полноте, во всех подробностях. И если бы мы следовали этому идеалу, если бы мы точно исполняли все внушения Церкви, были бы во всем покорны гласу Божию, то вся жизнь наша, как жизнь неустанного военного героя, была бы сплошным списком духовных побед...

Но вместо того чтобы принимать из рук Его неувядаемый венец, вместо такой жизни и такого славного конца – что мы из себя представляем?

Мы представляем из себя заблудившихся овец, не имеющих пастыря, вечно бродящих вдали от него по опасным стремнинам, готовые ежеминутно свергнуться в бездонную пропасть, на краю которой нас невидимо удерживает всеисильная десница Господа, милующего и щадящего нас, не смотря на всю нескончаемость и тяжесть грехов наших. Христос стоит всегда пред нами, вглядываясь всеисцеляющим взором Своим в нашу душу, призывая нас сладким голосом Своим: «Тот, кто жаждет, пусть придет ко Мне и пьет». Но мы не идем на этот голос, мы не вкушаем сладости общения с нашим вечным Благодетелем, с нашим Искупителем и Создателем и Отцом, и повертываемся к Нему спиной, словно зажимая себе уши, чтобы не слышать Его чудного призыва. Мы вдали от Него творим свою волю или, лучше сказать, враждебную Богу волю нашего неизменного врага и искушителя.

Господь, показавший пример строгой и убогой жизни, ждет и от нас в жизни поста и молитвы. А мы?.. Устами Христа Церковь заповедует нам воздержание в известные времена года для того, чтобы, при утончении тела подвигом, дух полнее вместил духовную радость

приближающегося великого праздника. А мы нагло изменяем этому постановлению Церкви и разрушаем тем свои собственные силы, потому что теперь медициной дознано, что перемена пищи и продолжительный отдых организма от усиленного мясного питания приносят этим организму величайшую пользу.

Церковь Христова заповедала нам кротость, смирение, мир, мы же постоянно полны к кому-нибудь ненавистью, презрением к одним, завидуем другим и вечно страдаем от жгучего чувства недоброжелательства к людям...

Христос заповедал нам чистоту жизни, признав правильной и благословенной только физическую близость с женой как средство для рождения детей, которые расширяют собой число граждан Царствия Христова. И как обходим мы эту заповедь чистоты! Остаться верными ей считается растленным миром чуть ли не позором! И куда бы мы ни обратили взор, какую бы мы область жизни ни взяли – повсюду видим мы нарушение воли Христовой.

Всюду – малодушная сдача врагу той позиции, которую мы из верности Христу должны были бы защищать до смерти. И чем ярче и ярче становится в развивающейся войне подвиг удалцов солдат, чем более изумительные приходят вести от тех или иных проявлений русской неумирающей доблести, тем грустней и грустней становится за себя пред этими примерами истинного человеческого величия, тем с большим стыдом смотришь на себя.

В эти дни, когда с таким самоотвержением исполняя заповедь Твою о любви до положения души своей за други своя бьются миллионы русских бойцов, в эти дни дохни освежающим призывом на мою заплесневевшую душу! Помоги мне на Твой призыв стать во весь рост и дружно взяться за творение Твоей пречистой воли, в исполнении которой заключается единственная цель, единственное счастье жизни. И дай мне жить так, чтобы я мог по праву называться Божиим воином, а Ты моим предвечным и чудным Божественным вождем.

Не отягощайте души вашей!

Евангелие, читаемое за литургией в неделю третью по Пятидесятнице (Мф. 6, 22–23), говорит о доверии ко Творцу Промыслителю и в трогательных ярких образах, примером «крин сельных» – полевых цветов лилии, – увещевает не предаваться заботам и тревоге об условиях своего внешнего существования.

В самом деле, может ли хоть одна красавица мира в самых обдуманных и изящных нарядах состязаться в красоте с полевыми лилиями – с их скромной торжественностью, чудной белизной и совершенной непорочностью.

Некоторые противники христианства утверждают, что завет Христов против излишнего обременения сердца житейскими попечениями должен повлечь за собой приостановку развития жизни; что люди, которые будут руководствоваться этим заветом и непосредственно применять к своей жизни слова: «Не печытесе убо, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся», – не имеют ни в чем нужды и могут жить почти по образцу звериному, витая в то же время духом в небесных обителях, – и вокруг таких людей внешняя сторона жизни совершенно остановится в своем развитии, так как вся внешняя поэзия жизни – красота обстановки, изящество обихода – все прикладное к жизни искусство разом замрет. Этим людям ведь не нужно будет ничего такого, что внешне красит жизнь.

В самом деле, бывали люди, которые отрицание лично для себя всяких жизненных удобств доводили до последних пределов. И с захватывающим изумлением мы смотрим на преподобных русского севера, которые, уподобляясь зверям лесным и диким птицам, ютились в дуплах старых деревьев.

Конечно, человек, который в жажде стряхнуть с себя совершенно земные пути ступил на путь подвига, – такому человеку уже не до произведения искусств: они для него бесценны, как бесценны для человека, который стремится в громадный гремящий по миру великолепный городок; все те ничтожны городишки, которые будут встречаться ему по пути. И праведники равнодушны к мирской красоте – не потому, что они чужды чувства прекрасного, но потому, что за красотой земной, жалкой, бедной и бледной в отражении своем – против своего лучезарного первоисточника – они прозревают истинную нетленную и высшую красоту.

Мы, люди обыкновенные, без высоких и таинственных предчувствий, можем восхищаться всей душой видом каких-нибудь местностей, знаменитых своей чарующей прелестью. В нашем искреннем восхищении нам кажется, что выше их прелести нет ничего, потому что в душе нашей не живут предчувствия и видения иной, блаженной, страны – действительно прекрасной, лучезарной, где красота не подвержена умиранию и увяданию, но пребывает в силе и свежести своей.

Вспомним того знаменитого подвижника древнего мира, преподобного Арсения, которому в потомстве, за высоту и исключительность его жертвы, было усвоено славное название «Великий».

Этот человек все имел в жизни. Он изумлял сверхъестественной роскошью своего быта тот утопавший в роскоши Царьград, который уже, казалось, ничему не удивлялся. И этот человек перешел от такого быта в пустыню на рубища, на черствые корки хлеба, на малое количество воды. Раньше он, конечно, как все богачи со вкусом, был покровителем искусств, на него работали архитекторы, ваятели, живописцы, люди художественных ремесел. И не мог же этот человек – после своего совершенного обращения ко Христу и начала новой жизни – потерять вдруг присущий ему интерес ко всему прекрасному, совершенно охладеть душой к красоте. Это было бы понижением жизни и умалением ее, тогда как все силы духовные возрастают, когда человек становится ближе к своему Создателю.

Между тем, если бы невидимая сила вдруг перенесла Арсения из тишины уединения строгой простоты каменистой пустыни туда, к местам, где блистала когда-то его роскошная жизнь, где еще стояли, вероятно, перешедшие в другие руки украшенные им для себя дворцы и загородные сады, если бы он опять увидел все это и увидел бы также то великолепное и новое, чем за эти годы мог украситься Царьград, он бы остался равнодушным пред всей этой сияющей пред ним красотой. А ведь она его когда-то трогала, захватывала. Так что же случилось? Он изменился, в душе его возникли иные мерки, и неудовлетворенная зрением земной красоты душа этого любителя прекрасного возжадала другой красоты, с печатью на ней вечного.

Он грезил об иных чертогах и об иных садах, чем те, которыми он владел и которые он, быть может, прежде создавал, – то были чертоги небесные, те «обители многи», которые Своими руками творит небесный Зодчий для верных Ему людей, и те сады, в которых деревья не вянут, над которыми стоит вечная непроходящая весна, в которых сладкое журчанье хрустальных ручьев сливается порой со звуком шагов ходящего по ним всемогущего Божества...

Его грезы и мечты повысились, и вот почему окружавшая его и привычная красота его уже не удовлетворяла. Да, люди, исключительно ушедшие в область духа, уже не могут создать ничего внешнего. Но есть немало подвижников и аскетов, в которых заложена сила творчества, требующая внешнего выявления, и такие люди творят чудную каменную хвалу Богу в возводимых ими храмах.

Таков был великий митрополит Филипп Московский, в бытность свою игуменом соловецким возведший громадные постройки и наладивший знаменитое до ныне хозяйство обители. Таков был в громадной деятельности своей патриарх Никон, создавший Иверский Валдайский монастырь и удивительнейший «Новый Иерусалим».

Таким образом, не приходится говорить, будто преданность воле Божией и искание Царства Небесного суживают жизнь.

Евангельский равнодушный богач, думая только о себе, возводит себе уютные чертоги, тогда как богач, живущий по Евангелию, строит дома милосердия, приюты для бездомных сирот, убежища для неизлечимо больных и беспомощных людей... Наконец, эпохи напряжения религиозного чувства всегда отмечаются столь же напряженной храмоздательской деятельностью, завещая по себе векам воздвигнутые ими святилища.

Вложив в человека творческие способности, дав ему заповедь неустанного труда, Господь – можно верить – желает видеть осмысленный и живой труд человечества, направленный к его благу, желает видеть, чтоб люди развивали неуклонно, изо дня в день, данные им способности, строили себе своими руками свое земное благополучие.

И человек мира, от мира не отрекшийся, не погрешит, стремясь создать себе на земле благополучие. И если только эта забота не будет исключительна, если только она не забудет более высшую и необходимую заботу о душе, – работай, трудись добросовестно, но не гонись лихорадочно за жизненным счастьем, не проклинай свою судьбу, если тебе не удастся достичь того благосостояния, о котором ты мечтал.

Если ты только того захочешь, твое положение можно сравнить с положением того человека, которому бы дали достоверное обещание, что в одном из ближайших розыгрышей государственной лотереи он выиграет двести тысяч.

Но громадный выигрыш, обещанный христианину в конце его жизни, – не какая-нибудь значительная сумма денег, дающая возможность поудобнее, послаще провести свой земной век; выигрыш христианина – вся вечность, вся громада Царствия Божия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.